

УДК 1(091)

О сущности человеческой природы в греко-восточной патристике

О. Н. Дьяченко

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования,
Курский институт развития образования. Россия, г. Курск. E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена осмыслению сущностных особенностей человеческой природы в трудах отцов и учителей Церкви на греческом Востоке. Возможные перспективы размышления о человеке развиваются всегда в горизонте теоцентрического мышления. С одной стороны, основополагающей характеристикой человека является тварность, с другой – мысль о человеке и его природе получает свою экспликацию исходя из образа Богочеловека-Христа. И если у западных мыслителей, начиная от Блаженного Августина, исходным в изучении человека и оказывается идея самопознания, рассмотрение его природы изнутри, из глубин самого себя, то у греческих отцов и учителей Церкви характерным является концентрация внимания именно на падшем, греховном состоянии человека. У представителей византийской философии не было определенного согласия в осмыслении ключевых антропологических проблем. Единство отмечается только в идее, которая становится основополагающей для всех мыслительных построений, аскетических практик и самопознания: стремление к интенсивности переживания человеком своего падшего состояния и смирения перед Богом. Поэтому самопознание реализуется в конкретной, практической цели: непрестанной памяти о собственных грехах, которая необходима в деле спасения души. Соответственно и рассмотрение антропологических проблем развивалось в контексте сотериологии.

Сложность рассмотрения антропологической проблематики в византийской философии заключается в том, что познание человеческой природы основывается не только на авторитете Священного Писания, но развивается из сферы индивидуального духовного опыта Богообщения, под влиянием формирующегося идеала подвижничества, где ключевой оказывается мысль временности собственного присутствия в бытии. Осуществление изначального смысла человеческой жизни получает свою реализацию в достижении всей полноты личностного совершенствования, базирующегося в греческой патристике на идее самопревосхождения.

Ключевые слова: человек, человеческая природа, самопознание, Бог, греческая патристика, антропологические проблемы.

Актуальность данной темы определена необходимостью обращения к истокам формирования представлений о человеческой личности, проблеме, которая является одной из ключевых в философском знании. Сложность анализа антропологических вопросов в греко-восточной патристике заключается в том, что мысль данного периода была сосредоточена на обосновании тринитарной концепции, а размышление о человеке получает свое развитие в контексте идеи Богообщения. Исходным для рассмотрения феномена человека был ветхозаветный сюжет о грехопадении, который у греческих отцов и учителей Церкви предстает как судьбоносный для истории всего человечества. Поэтому восточно-христианская философия была изначально ориентирована на осмысление человеческой природы до и после этого события, поэтому сущностные характеристики человеческой природы рассматривались в теоцентрической перспективе. Попытка разрешить главное противоречие между пониманием человека как образа и подобия Божия, с присущим ему личностным началом, свойственным каждому сотворенному, и его падшим состоянием, в котором пребывает весь род человеческий, формирует направленность антропологической проблематики греко-восточной патристики.

Мысль о человеке и его природе в теизме получают свою экспликацию исходя из образа Богочеловека-Христа. Но именно в этом вопросе, на основании которого формируются последующие представления о феномене личности, обнаруживаются сущностные различия в философии патристики Запада и Востока. И если у западных мыслителей, начиная от Блаженного Августина, исходным в изучении человека и оказывается идея самопознания, рассмотрение его природы изнутри, из глубин самого себя, где и раскрывается личностное начало, то у греческих отцов и учителей Церкви характерным является концентрация внимания именно на падшем, греховном состоянии человека. Этим объясняются крайне негативные определения его сущности. Так, Иоанн Златоуст, например, наделяет человека в высшей степени отрицательными характеристиками, говоря: «Человек есть краткосрочный заем жизни, долг смерти, не терпящий отлагательства, животное, необузданное по собственной воле, зло, само себя наставляющее, коварство самобытное, искусное во зле... надутый дух... мятежный прах, пыль высокомерная, пепел надменный... природа, скоро оскудевающая... неведущий самого себя и любопытствующий о том, что выше его... О, какое печальное зрелище

нашей слабости, о, какой праздник человеческого ничтожества!» [5, с. 630] А Ефрем Сирий в «Слове о братьях, почивших о Христе» дает самые уничижительные наименования человеку: «ничто», «червь», «тень» [4, с. 236–250]. Однако такие суждения всегда высказываются только когда речь идет о необходимости правильного с христианской точки зрения восприятия человеком самого себя или его положения перед лицом Бога, но только не по отношению к другому, поскольку греческие Отцы всегда напоминают о необходимости видеть в каждом образ Божий.

Тем не менее при всем разнообразии мнений ход рассуждения в византийской философии всегда основывается на противопоставлении земного и небесного, божественного и человеческого, на выражении всей глубины человеческого недостойнства, значимости переживания полноты уничижения перед Богом, что формирует архитектуру духовного опыта на греческом Востоке. Мотив растворения в Боге вырастает в теологемы, раскрывающие суть апофатического пути Богопознания.

Говоря о византийской философии, нельзя не остановиться на идеях Григория Нисского, который не только оказал существенное влияние на формировании антропологических представлений, которое сопоставимо с влиянием Блаженного Августина на Западе, но и, по мнению многих исследователей греко-восточной патристики, ввел в богословскую лексику понятие «личность».

Именно Григорий Нисский стремится разрешить противоречие между существующим и присутствующим человеку личным достоинством, которое изначально заложено в нем и «выше его бытия», и падшем состоянии, в котором пребывает род человеческий, благодаря чему человек оказывается «по душе и по телу расположен ко всякому роду страстей» [2, с. 17]. С одной стороны, Григорий Нисский говорит о том, что «природа человека неопределима», с другой – он высказывает идею двойственности человеческой природы, в силу того что дуализм есть определенный принцип устройства мира, Божественный закон, который зиждется на двух основах: «божественном искусстве и божественной силе».

Потому и человек связывает два мира, является как бы мостом между ними. Так, у Григория Нисского, Иоанна Златоуста и других греко-восточных философов периода патристики получает развитие мысль о том, что в человеке соединяются два начала – духовное и телесное, земное и небесное, которые совершенно противоположны друг другу. При этом у Григория Нисского ясно выражена мысль о том, что присущий природе дуализм включает определенное единство: «...все, являющееся в мире, одно к другому склонно, и тварь, оказывающаяся с противоположными свойствами, сама с собою согласна. Поскольку движение понимается не как одна перемена места, то усматривается оно и в превращении и в изменении» [3, с. 82]. Но главное, по мысли представителя каппадокийской школы, заключается не в двойственности человеческой природы, но в изначальной предзаданности этих начал: служить единственной цели, данной человеку еще до его творения, – восхождению к совершенству. Именно поэтому главная задача всех аскетических практик – одухотворение душевно-телесного бытия для достижения теозиса.

Интересно, что Григорий Нисский, в отличие от Аврелия Августина, не призывает к самопознанию, а убеждает, что природа человеческого ума непостижима из-за ее сходства со Сверхсущностным. Поэтому естественно, что самопознание, по мысли епископа Ниссы, – невыполнимая задача. Восточные Отцы и Учители Церкви призывают к тому, чтобы человек устремлял все свои усилия к Богообщению. Эта идея в самых разных интерпретациях сохраняется и у последующих греко-восточных мыслителей.

Другой представитель каппадокийской школы, Василий Великий говорит не о самопознании, но постижении Причины творения, своей сотворенности и конечной цели. Он пишет о том, что человек должен принять мир как «училище и место образования душ человеческих» [1, с. 9] и следовать по пути изучения Священного Писания. Основой всякого совершенства, по мысли Василия, является богобознность.

Обращают на себя внимание идеи Иоанна Лествичника, который одним из первых подробно останавливается на осмыслении индивидуальной природы человека, необходимости созидания духовного опыта на принципе согласования путей совершенствования и индивидуальных свойств каждого конкретного человека. В своем творении «Лествица» сирийский богослов и философ последовательно раскрывает мысль о том, что сущность самопознания сводится к главной цели: памяти о собственных грехах.

Тем не менее анализ антропологической проблематики, представленной в трудах философов греко-восточной патристики, позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство размышлений о человеке развивалось в контексте амарологии и сотериологии. Именно поэтому святоотеческая мысль Востока не рассматривает человека самого по себе, в отрыве от догматических вопросов, и здесь никогда не идет речь о самопознании как таковом. Размышление о человеческой природе, личности имеет совершенно иную направленность, нежели на Западе. Бог, Божественное бытие, а не человек здесь всегда в центре интеллектуальных изысканий, аскетических практик, ли-

тературных памятников, где все пронизано стремлением наполнить повседневную жизнь размышлениями о Творце. И несмотря на то что трактаты многих византийских философов посвящены подробному изучению свойств, особенностей, качеств человека и его природы, духовных сил и способностей, происхождению души, ее возможностей, все это исследуется с позиции содействия главной цели человеческой жизни – спасению. Исключение составляет, пожалуй, глубокий и всесторонний подход в изучении человека, представленный в трактате Немезия Эмесского «О природе человека». Он последовательно раскрывает все стороны человеческой природы, останавливается не только на духовной сфере жизни человека, работе ума, качествах его души, но и свойствах телесной природы, деятельности органов чувств. В период зрелой патристики подобную попытку предпринял и Иоанн Дамаскин. Он дает точное определение человеку, его душе, но, как и его предшественники, концентрирует свое внимание на греховных деяниях, говоря о том, что «возможность греха» заключена не в природе человека, а в свободной воле.

Из вышесказанного следует, что античность задала человеческой мысли самые разнообразные направления и цели, но именно христианская культура представила ценность смыслов, изменила принцип мышления о человеке как таковом, открыв трансцендентный горизонт в осмыслении антропологической проблематики.

Трактовка природы человека, его личности в греко-восточной патристике формируется принципиально в ином ключе. У представителей византийской философии не было определенного согласия в осмыслении антропологических вопросов. Единство отмечается только в идее, которая становится основополагающей для всех мыслительных построений, аскетических практик и самопознания: стремление к интенсивности переживания человеком своего падшего состояния и смирения перед Богом. Греческая мысль основывается на противопоставлении земного и небесного, божественного и человеческого. Поэтому самопознание реализуется в конкретной, практической цели: непрестанной памяти о собственных грехах, которое необходимо в деле спасения души. Соответственно и рассмотрение антропологических проблем развивалось в контексте сотериологии. Сущность человеческой личности в греко-восточной патристике получает свою экспликацию в идее теозиса. И если обобщить существующие на Востоке антропологические взгляды о человеке как *Εἰκόνα τῆς εἰκόνας*, то необходимо признать, что они сложились под влиянием тринитарной концепции каппадокийцев. Именно поэтому Григорий Нисский обосновал невозможность самопознания в силу того, что Бог непостижим по своей сути, человек же сотворен по образу Его, а Василий Великий сформулировал принцип отношения человека к рефлексии как устремленности ума к Причине и смыслу всего, то есть к Богопознанию.

Список литературы

1. *Василий Великий*. Беседы на Шестоднев. Творения отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1. М. : Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1891.
2. *Григорий Нисский*. Большое огласительное слово // Творения святого Григория Нисского. Часть четвертая. М. : Тип. В. Готье, 1862. С. 1–110.
3. *Григорий Нисский*. Об устроении человека // Творения святого Григория Нисского. Часть первая. М. : Тип. В. Готье, 1861. С. 77–222.
4. *Ефрем Сирин*. Слово о братьях, почивших о Христе. Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Т. 2. Ч. 3. Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1912.
5. *Иоанн Златоуст*. Собеседование о Псалмах. Собеседование 4-е. Беседа на пророческое изречение, гласящее: «...подобно призраку ходит человек, всякий человек живущий» (Пс. 38:7,6), и о милостыне // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Том десятый : В двух книгах. Кн. 1. СПб. : Издание Санкт-Петербург. Духовной Акад., 1904. С. 599–977.

On the essence of human nature in the Eastern Greek Patristics

O. N. Dyachenko

PhD of philosophical sciences, associate professor of the Department of social and humanitarian education,
Kursk Institute of Education Development. Kursk, Russia. E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the essential features of human nature in the writings of the Fathers and Teachers of the Church in the Greek East. Possible prospects for thinking about a person always develop in the horizon of theocentric thinking. On the one hand, the fundamental characteristic of man is creature, on the other, the thought of man and his nature is derived from the image of the God-Man-Christ. And if the Western thinkers, beginning with St. Augustine, begin with the study of man and the idea of self-knowledge appears, the consideration of his nature from within, from the depths of himself, then the Greek Fathers and the Teachers of the Church are characterized by the concentration of attention precisely on the fallen, sinful state of man. Representatives of Byzantine phi-

losophy had no definite agreement in understanding the key anthropological problems. Unity is noted only in an idea that becomes fundamental for all thought structures, ascetic practices and self-knowledge: the desire for the intensity of a person's experience of his fallen state and humility before God. Therefore, self-knowledge is realized in a concrete, practical purpose: the incessant memory of one's own sins, which is necessary in the work of saving the soul. Accordingly, the consideration of anthropological problems developed in the context of soteriology.

The complexity of considering anthropological problems in Byzantine philosophy lies in the fact that the cognition of human nature is based not only on the authority of Holy Scripture, but also on the individual spiritual experience of the Communion, under the influence of the emerging ideal of selfless life, where the key idea is the temporality of one's own presence in being. The realization of the original meaning of human life receives its realization in achieving the fullness of personal perfection, based in Greek patristic on the idea of self-transcendence.

Keywords: man, human nature, self-knowledge, God, Greek Patristic, anthropological problems.

References

1. Vasilij Velikij. *Besedy na SHestodnev. Tvoreniya otca nashego Vasiliya Velikogo, Arhiepiskopa Kesarii Kappadokijskoj* – Basil The Great. Talks on the six days. Creations of our father Basil the Great, Archbishop of Caesarea in Cappadocia. Part 1. M.; Sergiev Posad. Typ. of Holy Trinity St. of Sergius Lavra. 1891. Pp. 5–149.
2. Grigorij Nisskij. *Bol'shoe oglasitel'noe slovo* – Gregory of Nyssa. A great word of publicity // *Tvorenie svyatogo Grigoriya Nisskogo. CHast' chetvertaya* – The Creation of St. Gregory of Nyssa. Part four. M. Typ. of V. Gauthier. 1862. Pp. 1–110.
3. Grigorij Nisskij. *Ob ustroenii cheloveka* – Gregory of Nyssa. On the arrangement of man // *Tvoreniya svyatogo Grigoriya Nisskogo. CHast' pervaya* – The works of Saint Gregory of Nyssa. Part one. M. Typ. of V. Gauthier. 1861. Pp. 77–222.
4. Efrem Sirin. *Slovo o brat'yah, pochivshih o Hriste. Tvoreniya svyatogo otca nashego Efrema Sirina* – Ephraim The Syrian. The word of the brothers that rested on Christ. Creation of our Holy father Ephraim the Syrian. Vol.2. Part 3. Sergiev Posad. Typ. of Holy Trinity of St. Sergius Lavra. 1912. Pp. 236–250.
5. Ioann Zlatoust. *Sobesedovanie o Psalmah. Sobesedovanie 4-e. Beseda na prorocheskoe izrechenie, glasyashchee: «...podobno prizraku hodit chelovek, vsyakij chelovek zhivushchij» (Ps. 38:7,6), i o milostyne* – John Chrysostom. Interview about the Psalms. Interview the 4th. Conversation on the prophetic saying, saying: "... like a Ghost a man walks, every man living" (PS. 38: 7,6), and the alms // *Tvoreniya svyatogo otca nashego Ioanna Zlatoust, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode. Tom desyatij: V dvuh knigah* – Creations of our Holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in Russian translation. Volume ten: in two books. Book 1. SPb. Edition of Saint-Peterb. Spiritual Acad. 1904. Pp. 599–977.